

Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.12

Шарипова Алия Рашитовна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, nord-wind23@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-3254-55770>

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В ПРОЦЕДУРАХ РОССИЙСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Нормативное закрепление традиционных ценностей послужило поводом для оценки их влияния на различные отрасли права. Помимо ориентирующего для отраслевого законодательства значения, у традиционных ценностей есть конкретное воплощение в нормативных положениях. Статья посвящена поиску конкретных процессуальных норм в законодательстве, регулирующем уголовное, арбитражное, гражданское и административное судопроизводства, которые бы реализовывали ценности гражданственности, патриотизма, достоинства, коллективизма, справедливости, крепкой семьи, единства народов России. Процедурным проявлением гражданственности является участие общества в отправлении правосудия, коллективизма – коллегиальные начала и групповые формы участия в деле, патриотизма – новые основания приостановления и прекращения уголовного дела, крепкой семьи – свидетельский иммунитет, единства народов России – правило о судопроизводстве не только на русском языке и др. Сравнительный анализ показывает, что одни и те же ценности в универсальных процессуальных институтах, в аналогичных процедурах иногда находят различную нормативную реализацию. В некоторых случаях традиционные ценности являются «конкурирующими», в других случаях требуется ограничение их абсолютизации в судебных процедурах.

Ключевые слова: уголовное процесс, традиционные ценности, национальная идентичность, гражданский процесс, арбитражный процесс, административный процесс, справедливость, гражданственность, коллективизм.

Для цитирования: Шарипова А.Р. Традиционные ценности в процедурах российского судопроизводства/ А.Р. Шарипова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.12 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 2. – С. 156–164.

Original article

Sharipova Aliya Rashitovna

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia, nord-wind23@mail.ru

TRADITIONAL VALUES IN RUSSIAN JUDICIAL PROCEDURE

Abstract. The normative consolidation of traditional values has provided an opportunity to assess their impact on various branches of law. In addition to the guiding meaning for sectoral legislation, traditional values have a concrete embodiment in regulatory provisions. The article is devoted to the search for specific procedural norms in the legislation governing criminal, arbitration, civil and administrative proceedings that would realize the values of citizenship, patriotism, dignity, collectivity, justice, a strong family, the unity of peoples of Russia. A procedural manifestation of citizenship is the participation of society in the administration of justice, collectivism – collegial principles and group forms of participation in a case, patriotism – new grounds for suspending and terminating a criminal case, a strong family – witness immunity, the peoples of Russia unity – the rule on judicial proceedings not only in Russian, etc. A comparative analysis shows that the same values in universal procedural institutions and in similar procedures sometimes find different normative implementation. In some cases, traditional values are “competing”, in other cases, it is necessary to limit their absolutization in judicial procedures.

Keywords: criminal procedure, traditional values, national identity, civil procedure, arbitration process, administrative process, justice, citizenship, collectivism.

For citation: Sharipova A.R. Traditional Values in Russian Judicial Procedure. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 2, pp. 156–164. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.30.12

Введение. В последние годы научный интерес к нормативному закреплению традиционных духовных ценностей закономерно возрос следом за соответствующими шагами государственной власти¹. Поиск соответствия между конкретными нормами того или иного отраслевого закона и духовными ценностями [1] набирает обороты наравне с весьма идеологизированными оценками [2]. Достаточно ясно и предсказуемо, что характер научной дискуссии вокруг духовных ценностей носит абстрактно-теоретический, подчас философский характер, порой с переходом в социологические, психологические или даже религиозные материалы. Свою задачу мы видим, напротив, в отыскании конкретных норм, демонстрирующих традиционные ценности либо противоречащие каким-то из них. Оставаясь на позициях универсального характера судопроизвод-

¹ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2026).

ства, независимо от его отраслевого деления на уголовное, гражданское, арбитражное и административное, полагаем возможным сопоставить «степень» воплощения традиционных духовных ценностей в процедурах, предусмотренных в УПК РФ, АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ.

Гражданственность. Институты гражданского общества не всегда имеют воплощение в законе, и в этом, возможно, проявляется их роль. Однако некоторые проявления ответственности граждан за правосудие в процессуальных кодексах мы всё же можем обнаружить. В первую очередь, это суд с участием присяжных заседателей (т.е. граждан – не юристов, понимающих свой гражданский долг и ответственно его исполняющих), который может рассматривать некоторую часть уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях. Ни в одном другом судопроизводстве России участие присяжных не предусмотрено. Единственное «подобное» участие представителей гражданского общества предусматривает ст. 19 АПК, допуская возможность привлечения в судебную коллегия в суде первой инстанции арбитражных заседателей. В рамках настоящей статьи воздержимся от анализа достоинств и недостатков профессионального и «народного» суда, ограничимся лишь констатацией довольно выраженной «гражданственности» суда присяжных, номинальной (с учетом фактического неприменения) «гражданственности» процедуры рассмотрения с участием арбитражных заседателей и отсутствия их аналогов в гражданском и административном процессах.

Коллективизм. Понятно, что, ведя речь о судебных процедурах, мы можем отыскать коллективизм не во всех его смыслах. Категорически недопустимо было бы считать коллективизм (как приоритет интересов коллектива над личным) аргументом при решении спора между «групповой» и «единоличной» сторонами в пользу первой.

Коллективизм в судопроизводстве проявляется, в первую очередь, в коллегиальности. Что касается тенденций формирования состава суда, то в последние годы мы наблюдаем явный отход от коллегиальности на уровне проверочных инстанций. Если фактический отказ от коллегиальности в суде первой инстанции произошёл уже относительно давно, с переходом к современной модели судостройства и судопроизводства [3, с. 64–67], то до 2013 г. основным способом пересмотра судебных актов был коллегиальный. Начиная с Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и статьи 1 и 3 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» по вопросам совершенствования процедуры апелляционного производства», произошло последовательное ограничение коллегиальности в апелляции по уголовным делам, кассации по уголовным делам, апелляции и кассации по гражданским делам. Если сопоставлять сохранившиеся доли рассмотрения апелляционных и кассационных жалоб в коллегиальном составе судей, то на

первом месте окажется арбитражный процесс, затем – административный и гражданский процесс. Уголовный процесс по этому показателю будет на последнем месте: более половины жалоб на окончательные судебные акты в нём рассматриваются единолично.

Есть и более частные случаи, которые не вполне укладываются в «интеллектуальную формулу» коллективизма «одна голова хорошо, а две – лучше»: в некоторых случаях промежуточные судебные акты, вынесенные коллегиально, могут быть пересмотрены единолично. В этом плане более логичен административный процесс, закрепивший правило о коллегиальном пересмотре всех актов, вынесенных в коллегиальном составе: «Частные жалобы, представления прокурора на определения суда рассматриваются в апелляционном порядке судьями соответствующих судов единолично, за исключением случаев, когда обжалуемое определение вынесено коллегиальным составом суда» (ч. 2.1. ст. 315 КАС).

В цивилистическом процессе понимание важности коллективных интересов находит отражение в главах 22.3 ГПК, 28.2 АПК, 42 КС, регулирующих особенности рассмотрения дел о защите прав и законных интересов групп лиц.

Коллективизм как легализация интересов либо правомочий группы лиц реализуется в уголовном процессе в бесспорной форме следственной группы (ст. 165) и небесспорной форме группы дознавателей (ст. 223.2). Некоторые сомнения относительно целесообразности объединения дознавателей в группы для производства предварительного расследования по сложным или объёмным делам у нас есть. Они связаны с тем, что логика нашего уголовного процесса (подтверждённая и действующей ст. 163 УПК РФ, и прежней ст. 129 УПК РСФСР) диктует необходимость производства *предварительного следствия* по сложным или объёмным делам, а не поручение их группе дознавателей. Высказать несогласие с оптимальностью данного положения УПК в этом контексте нас заставляет желание подчеркнуть, что следование традиционным ценностям не предполагает их абсолютизации или реализации любой ценой.

Справедливость. Справедливость является центральным понятием, целью, смыслом и содержанием правосудия, поэтому рассматривать соответствие судебных процедур этой ценности по аналогии с другими основными традиционными ценностями не вполне продуктивно. Скорее, имеет смысл обратить внимание на те процедуры, которые в наименьшей степени ориентированы на поиск справедливости, и определить, на защиту какой другой ценности они направлены. Чтобы не погружаться в общефилософские и отраслевые дискуссии о содержании этого понятия, остановимся на простом варианте: справедливость – это вынесение решения в соответствии с истинным положением вещей.

На первом месте среди «несправедливых» процедур обычно называют все компромиссные, упрощённые, «поощрительные» процедуры. В уголовном процессе это особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением; особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве; прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (в связи с прими-

рением сторон; с назначением судебного штрафа; в связи с деятельным раскаянием; в связи с возмещением ущерба по некоторым экономическим преступлениям; в связи с призывом или заключением контракта в период мобилизации или в военное время)). Основной «внутриотраслевой» аргумент в пользу закрепления всех этих процедур сводится к процессуальной экономии, или отказу от части процессуальных действий/стадий, или нецелесообразности продолжения процессуальной деятельности.

Однако большинство целей, ради которых уголовное судопроизводство допускает возможность снижения стандартов справедливой судебной процедуры, лежит в пространстве человеческих ценностей, а не самого уголовного процесса. Это гуманность (особый порядок при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением), милосердие (прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием), коллективизм (прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон, особый порядок при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве), патриотизм (прекращение уголовного дела в связи с призывом на военную службу). Ради справедливости отметим, что не только духовные ценности служат ориентиром для установления компромиссных процедур: думается, что материальные ценности государство тоже не должно упускать из виду. И возмещение ущерба по экономическим преступлениям, по которым потерпевшим является государство (например, налоговые преступления), – это возможность пополнения бюджета и сохранение перспективы платёжеспособности налогоплательщиков. Следование духовным ценностям в правовой политике государства исключает всякую наивность: прекращение уголовного преследования для обвиняемых «патриотов» (как и освобождение от наказания для осуждённых) предполагается только в условиях мобилизации и военного времени, когда стране нужны солдаты, готовые рисковать жизнью. Цивилистический процесс исторически «проще» относится к справедливости, как правило, не предполагая гибели мира для свершения правосудия, не противопоставляя разумную процессуальную целесообразность справедливости. Нам в целом близка идея сохранения общественного мира как условия продолжения человеческой деятельности, в том числе, в ракурсе созидательной трудовой деятельности, представляющую собой еще одну традиционную ценность. Какой бы ни был материально-правовой спор, нужно учитывать, что жизнь идёт дальше, и в некоторых случаях настойчивые, продолжительные, трудоёмкие попытки решить этот спор идут во вред его участникам. Широко распространённая практика окончания арбитражных и гражданских споров утверждением мирового соглашения как нельзя лучше демонстрирует эту мысль. Конечно, напрямую и в полном объёме экстраполировать этот опыт в уголовный процесс невозможно, но иметь в виду всё-таки следует.

Достоинство. Уважение к человеку как к субъекту процессуальной деятельности, участнику процессуальных правоотношений кажется абсолютно необходимым минимумом современного судопроизводства. Несмотря на все достижения последних десятилетий, которые существенно укрепили правовой

статус подозреваемого и обвиняемого, изжить полностью отношение к ним как к преступникам, с которыми не стоит церемониться, не получилось. И если цивилистическим процедурам, в целом, не требуется проверка на предмет возможного ущемления достоинства их участников, то уголовному процессу это нужно до сих пор. Причём нужно это не только ради идеи равного уважения достоинства всех людей (ведь в действительности уважения люди заслуживают в разной степени), уважать достоинство обвиняемого нужно не только ради его интересов, но и ради сохранения профессионального достоинства всех остальных участников судопроизводства.

Одной из несколько сомнительных уголовно-процессуальных норм представляется содержащаяся в ст. 389.12 УПК возможность определения формы участия (очной или посредством видеоконференцсвязи) осуждённого в рассмотрении апелляционных жалоб по его делу не им самим. Разумеется, у такого решения есть какие-то организационно-экономического свойства. Однако пока ещё очное участие в судебном заседании является преимущественной формой по уголовным делам, лишать её того, чья судьба решается в этом судебном заседании, не верно. Вполне возможно, что осуждённый желает участвовать в заседании лично не ради качественного донесения своей позиции, участия в исследовании доказательств и т.п., а ради каких-то иных целей; вполне возможно, что обеспечение очного участия менее удобно для суда и органов уголовно-исполнительной системы, но уважение его достоинства требует обеспечения исполнения его желания. Подчеркнём, что речь именно в достоинстве: мы сейчас даже не касаемся аргументов против видеоконференцсвязи, основанных на предположении о неполноценном в когнитивном и эмоциональном плане восприятии информации в дистанционном формате в сравнении с очным.

Крепкая семья. Ярким проявлением процессуального института, функционирующего именно в поддержку интересов семьи, является семейный и родственник свидетельский иммунитет. Это право родственника или супруга отказаться от дачи показаний против своего близкого, который в том или ином виде закреплён во всех процессуальных кодексах. Конкретные перечни носителей этого иммунитета отличаются.

Так, в уголовном процессе круг лиц, имеющих иммунитет, основанный на семейных отношениях, включает супруга, супругу, родителей, детей, усыновителей, усыновлённых, родных братьев и родных сестёр, дедушку, бабушку, внуков (ст.5, 56 УПК). Примерно так же (за исключением редакции) этот круг определён в ст. 69 ГПК. КАС в ст. 51 предполагает более широкий список: полнородных и неполнородных (имеющих общих отца и (или) мать) братьев, сестёр, опекуна и попечителя. Статья 56 АПК прямо указывает только на супруга, а перечень близких родственников определяется ссылкой к федеральному закону. Семейный кодекс РФ в ст. 14 при этом признаёт близкими родственниками родственников по прямой восходящей и нисходящей линии (родителей и де-

тей, дедушку, бабушку и внуков), полнородных и неполнородных (имеющих общих отца или мать) братьев и сестёр.

Оснований для различий носителей такого иммунитета в разных видах судопроизводства нет, исходя из универсальности смысла свидетельствования и общности ценности семьи. Способом предотвращения появления разнородных отраслевых регламентаций может быть дача отсылки (подобно АПК) во всех соответствующих нормах к единому перечню близких родственников, который должен быть предусмотрен в Семейном кодексе РФ.

Более спорным вопросом свидетельского иммунитета является ограничение круга его носителей, исходя только из родственных и супружеских связей. Иные близкие отношения не поддерживаются таким иммунитетом: фактическое сожительство, бывшее, расторгнутое супружество, опекуновство и попечительство, отношения «сводных» братьев и сестёр (детей разных родителей, в какой-то период состоящих в браке), отношения детей одного из супругов со вторым супругом, не являющимся его родителем или усыновителем («отчимом» и «мачехой»), отношения усыновленных детей между собой, если они не являются родными братьями, сёстрами.

Из всех перечисленных вариантов неродственных ролей в близких отношениях только опекун и попечитель восприняты процессуальным законом в качестве требующих свидетельского иммунитета – они включены в соответствующий перечень Кодексом административного судопроизводства. При этом подопечный по какой-то причине в этом перечне не назван, привилегия несвидетельствования установлена односторонне.

Полагаем, что ограничение носителей «супружеско-родственного» свидетельского иммунитета (имеем в виду не только собственно супружеский и родственный, но и любой, связанный с личными близкими отношениями) хоть и необходимо, но не так непримиримо, как принято в действующем УПК. С одной стороны, государству проще иметь дело с классическим представлением о семье, в которой супруги регистрируют брак, воспитывают общих детей и умирают в один день. Но, с другой стороны, отрицать многообразие семей неправильно, поскольку главный их смысл – любовь, воспитание детей, передача опыта, поддержка близких – сохраняется, и именно на них должны быть ориентированы правовые нормы.

Как один из возможных вариантов расширения круга обладателей «семейного» свидетельского иммунитета можно рассматривать предложения, высказанные в тематических кандидатских диссертациях С.Ю. Никитина и С.П. Федякина – предоставить суду, прокурору, следователю, дознавателю право признать близким родственником иное лицо, не указанное в п.4 ст. 5 УПК [4, с. 8], либо дополнительно закрепить понятие «близких лиц» [5, с. 10].

Единство народов России. Русский язык является языком государствообразующего народа (ст. 68 Конституции), языком межнационального общения за

пределами страны², а ранее – и в её пределах³, и до относительно недавнего времени владение гражданами русским языком было всеобщим. Тем не менее, сохранение многообразия культуры национальностей народов России – это грань рассматриваемой ценности. Два из четырех процессуальных кодексов – УПК и ГПК – предусматривают нормы о возможности ведения судопроизводства в суде первой инстанции на государственном языке республик, входящих в состав Российской Федерации. Можно предположить, что в последнее время средний уровень владения русским языком среди граждан России снизился как за счёт более частого приобретения российского гражданства иностранными гражданами, так и за счёт вхождения в состав страны новых территорий.

Заключение. По итогам изложенного можно резюмировать, что традиционные ценности, служащие ориентиром для законодателя и правоприменителя, касательно всех правовых норм имеют и более выраженное концентрированное воплощение в конкретных процедурах современного судопроизводства. Межотраслевое сопоставление этой процессуальной конкретики показывает более отчётливую их реализацию в нормах и процедурах УПК РФ.

Список источников:

1. Алексеенко А.П., Архипов В.В., Белов С.А., Кондуров В.Е. Реализация традиционных российских духовно-нравственных ценностей в правовой системе / А.П. Алексеенко, В.В. Архипов, С.А. Белов, В.Е. Кондуров // Правоведение. – 2024. – Т. 68, № 3. – С. 332–359.
2. Дорошков В.В. Современный уголовный процесс через призму духовно-нравственных основ российского общества / В.В. Дорошков // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 12. – С. 14–25.
3. Шарипова А.Р. Тенденции сочетания единоличного и коллегиального в отечественном уголовном и гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве / А.Р. Шарипова // Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 64–73.
4. Никитин С.Ю. Свидетельский иммунитет в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.Ю. Никитин. – Челябинск, 2005. – 184 с.
5. Федякин К.П. Теоретические и практические проблемы свидетельского иммунитета в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / К.П. Федякин. – Саратов, 2007. – 170 с.

² Ст. 38 Указа Президента РФ от 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года».

³ Закон от 24 апреля 1990 г. «О языках народов СССР».

References

1. Alekseenko A.P., Arkhipov V.V., Belov S.A., Kondurov V.E. Implementation of Traditional Russian Spiritual and Moral Values in the Legal System. *Jurisprudence*, 2024, vol. 68, no. 3, pp. 332–359. (In Russian).
2. Doroshkov V.V. Modern Criminal Procedure through the Perspective of Spiritual and Moral Grounds of Russian Society. *Journal of Russian Law*, 2021, vol. 25, no. 12, pp. 14–25. (In Russian).
3. Sharipova A.R. Trends in the Combination of Individual and Collegial in Domestic Criminal and Civil, Arbitration, Administrative Proceedings. *State and Law*, 2024, no. 2, pp. 64–73. (In Russian).
4. Nikitin S.Yu. Witness Immunity in Russian Criminal Procedure. *Cand. Diss.* Chelyabinsk, 2005. 184 p. (In Russian).
5. Fedyakin K.P. Theoretical and Practical Problems of Witness Immunity in Criminal Proceedings. *Cand. Diss.* Saratov, 2007. 170 p. (In Russian).

Информация об авторе

Information about the Author

Шарипова Алия Рашитовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института права

Sharipova Aliya Rashitovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 10.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 12.06.2026 г.; принята к публикации 13.06.2026 г.

The article was submitted 10.03.2026; approved after reviewing 12.06.2026; accepted for publication 13.06.2026.